

*Валентина Павловна
Фёдорова – доктор
филологических наук,
профессор Курганского
государственного
университета,
заслуженный работник
высшей школы РФ.
Автор 10 книг и около 150
научных работ.*

Валентина Фёдорова

Немыслимо жизнь хороша

*Нет, мне не причинят вреда
Лихих поэтов заморочки.*

Что верно, то верно. У Любови Харитоновны свой путь, свой высокий поэтический полёт. Ей не нужны вычурные выверты, ломанные слова, скабрёзности. На чистейшем русском языке высказаны философские раздумья о многомерности жизни, радостях и горьком отчаянии. Хотелось бы разделить веру поэта Андреевой в неизбежность победы великой реки поэзии. Не раз бывало: слова коверкались, плясали рифмы и ритм, воцарялась бессмыслица, лягушка силилась раздуться до слона. Когда ни за душой, ни в душе нет трепета, тогда и Пушкин – не указ, можно призывать сбросить его «с парохода современности». А он висится. Где те новаторы, кто их помнит и знает? Но прокукарекали, остались в истории литературы, пусть на десятках ролях. Теперь грубость и мат в моде. И объяснение есть: «Жизнь такая, и народ матюгается, войны, грубость. Это надо отразить, чтобы правда была». Лев Толстой, Ю. Бондарев не только о мире, но и про войну кое-что узнали, а обошлись без матогов. И опять же согласимся, что мужские голоса при починке трактора, это не, извините, книга для семейного чтения. Да и просто не хочется, чтобы духовная пища воняла. Об этом рассуждает и Любовь Харитоновна, требуя от собратьев по перу ответственности за слово:

Нет, мне не причинят вреда
Длихих поэтов заморочки.
Немного надобно труда,
Чтоб матом подсиропить строчки,
Я из народа, а народ
Порою крепко матюгнётся.
А мат, что в книжках издаётся, –
Его скабрёзный перевод.
Бурлит и пенится поток,
Идёт глубинное движенье,
Простор прижмёт его течение
И успокоит, выйдет срок.
И лена шумная сойдёт,
В других потоках растворится.
Река поэзии струится
И в море классики течёт.

Читаются стихи Л. Андреевой легко. Они наполнены пушкинской благородной простотой, которая согрета «мыслью и мыслью» да ещё знанием жизни. Да ещё бесхитростностью главной героини, трепетно любящей свою родную землю, свой дом. Удивляет бесконечная благодарность за крупички доброты и участия. Оно и понятно: жизнь-то покрутила. Девчушку, переполненную радостью бытия и светлыми чувствами, из цветенья земли и сини неба кинуло в каменный город, где её никто не ждал. «Железный город жадною рукою ей предъявил жестокие права». Работу взяла тяжеленную. Наверное, не сдюжила бы, не будь рядом хороших людей. Эта замечочка всем и на все времена: помогай, кто слабее. Будь благодарен за доброту, за науку. В начале городской жизни было так:

Порядок работы несложен:
Больше бери, дальше кидай,
Больше бери, как можешь,
Пока летит – отдыхай.

Приветливо улыбнувшись,
Напарница так сказала.
Робость моя стала глуше,
К обеду совсем пропала.

Всё было интересно
И необычно было.
Казалась вода слишком пресной,
Солнце ярче палило.

Машины различных марок.
Только под вечер
Сильнее, чем у товарок,
У меня ныли руки и плечи.
Ещё бы! Да и потом было не легче:
Я строила панельные дома,
Фасад с трёхместной люльки расшивала.
По городу метелила зима –
Такой зимы давненько не бывало.

И нашу люльку пятитонный кран,
Страхуя от беды, держал на строплах.
Со мною вместе строили Курган
Напарницы мои в монтажных робах...

Школа жизни закалила девочку, но не опалила крылья. Не стала она другою. Сохранилась мечтательность – это при такой-то работе! В одной частушке пелось о такой же женской доле:

Как приеду я домой,
Пожалюсь мамоньке родной:
– Мамонька родимая,
Работа лошадиная.

Что тут скажешь! Удивляет, как не в камень, песок, бетон, усталость ушла душа, а устремлялась в небо:

Опять кирка, опять лопата
И тачка – верная сестра.
Сидят весёлые ребята
У догоревшего костра.

Под синим абажуром неба
Висит холодный свет луны.
Из нас никто на небе не был,
Мы больше
На земле нужны...

Да, мы ни разу не летали
На межпланетном корабле.
Мы в это время стены клали,
Носили землю по земле.

Но этот город, в который вели все дороги, по-прежнему мил и дорог, хотя и досталось от него. Валила с ног усталость, а сон отлетал. В пору зрелости видится поэту молодая девушка, наперекор всему сидящая на подоконнике. В сонном общежитии она одна и благодать ночи. Не случайно потом написала:

Небо прозрачно от холода,
Правит веслом тишина.
Что ожидает от города
Девушка у окна?
Плечи из бронзы выточил
Месяц ей тонким лучом,
Взял на ладошку и выронил –
Видимо, жгут горячо.

Ветер-бродяга не каждому
Станет подарки дарить.
Ей же на губы отважные
Он подарил цвет зари.

В комнате четверо сонненьких,
Всё общежитие спит.
Что же на подоконнике
Девушка эта сидит?

Притягательна в поэзии Любови Харитоновны пронзительная память детства. Читатель понимает истоки силы, любви, самостоянья героини, нашей современницы, за которой угадывается автор. Взрослый человек погружается в давний, светлый, уютный мир, создаваемый и заботами девчонки. Нет и в детстве праздника, если руки праздны и сердце глухо. Да и та пора не родня XXI веку. Жила деревня, работала, пела, плясала, умела радоваться. Небогато

жили, но весело. В той, прошлой опрятности человека видится залог бессмертия России:

Деревенский дощатый стол
С мылом мыли, ножом скоблили,
Пах он, точно смолистый ствол
Той сосны, что вчера срубили.

А бывало, печины набьёшь,
То есть красной кирпичной глины.
Дожелта половицы натрёшь
Да отмоешь от этой печины.

Да нарвёшь полевых цветов
И поставишь на стол к простенку.
Вот и отдых тебе готов,
И снимай с дров берёзовых пенку.

Гармонисты по улице шли
Вечерами, ног не жалели.
И девчат озорных вели,
И частушки весёлые пели.

Я не помню половиков,
Скатертей в домах, занавесок,
Сельский мир тогда был таков:
Прост, открыт и на слово резок.

Через годы после войны
Станем ситцу и штапелю рады.
И чего пригорюнились мы,
И когда мы жили богато?

Обо всех судить не берусь,
Много мнений, легенд, мистерий.
В то, что сдюжит Россия – Русь,
И теперь без сомненья верю.

Память сердца конкретна и предметна:

Обернуться назад, оглядеться,
Отдышать время, словно стекло,
Чтоб моё деревенское детство
Вместе с утренним светом вошло.
Пятистенный, с осевшею крышей,
Кое-где перекрытый дерном,
С каждым годом всё ниже и ниже
Становился родительский дом.
Где подправить, скрепить, замазать,
Вбить ли гвоздь иль навесить крюк –
Не хватало отцовского глаза
И его работающих рук.
У деревни Мариновка в июле
Он сражён был фашистскою пулей.
Сорок третий, в Донбассе жара.
А Марина-жена в Зауралье
В безутешной тоске и печали
Всё ждала его, всё ждала.

Что я помню: у дома телегу,
Сохнут мытые фляги на ней,
У ограды гусыню-шипегу,
Она зла, но я буду умней.
Кот с утра молока поджидает,
Моет белою лапкою рот,
Мать моя молоко собирает,
Караулить меня оставляет
От соседских гусей огород.
Есть у памяти дивное средство –
Всё, что было, опять воссоздать.
Детство –

 милое сердцу наследство –
Подарила мне добрая мать,
Я туда, где привет и улыбка,
Уплыву, как карась в камыши,
Когда станет тревожно и зыбко
И усталость коснётся души.

Вырастала героиня Андреевой, впитывая людскую доброту. Не в золотой зыбке зыбилась, а взгляд привычно выбирает доброе, помощь, заботу земляков:

Помню, как через год у нас пала корова.
У болота объелась дурной белены.
Мы её закопали, и, честное слово,
Ничего не припомню до самой весны.
Только знаю, что мать без работы сидела:
Брат болел, было не с кем оставить меня.
Продала, что смогла, вместе с нами проела,
Истопила почти половину плетня.
А весной правление колхоза решило:
По чекушке в день для меня выдавать
Молока, и теперь, когда солнце всходило,
Торопилась из дома с бидончиком мать.
Только шла не на ферму – чего там чекушна!
Раз в неделю возьмёт она всё молоко.
Шла туда, где жила в пятистенке старушка,
Ей, конечно, в войну было жить нелегко.
Нашей маме она тогда так говорила:
«Ты бери молоко, не стесняйся, ходи,
Я одна, моих деток война погубила,
У твоих-то, голубка, вся жизнь впереди».
Нет давно на земле тихой бабушки Анны,
Вот и мама ушла – добрым место в раю.
У седых тополей ранним утром туманным
Я на сельском погосте печально стою.
Вот ползёт паучок по сухому жабрею
И, сорвавшись, летит в молодую траву.
Я, наверно, уже никогда не сумею
Отплатить им за то, что на свете живу.

Наше поколение, детьми входившее в войну, не озверело, потому что рядом была женская общая доля. Через годы сохранился интерес друг к другу: без зависти, высокомерия, эгоизма. Узнаваем жизненный сюжет:

Они сидели за столом
И не могли наговориться,

Был радостью наполнен дом,
И добротой лучились лица.
Уехав в город к дочерям,
Они в село съезжались летом
К своим местам, к своим корням,
Чтоб запастись душевным светом.
Соседки звали их к себе
И так радушно привечали,
Как будто сестры их встречали
По вдовой горестной судьбе.
Они сидели за столом
И вспоминали о былом.
И было всё как бы вчера:
Война, работа дотемна,
Как тяжело с пшеницей жуть
Тащить на мельнице скрипучей,
Но муж и сын фашистских пуль
В бою встречают град летучий.
Им там опасней и трудней.
Пройдёт ещё немало дней,
И все их мысли лишь о том,
Как натопить зимою дом,
Чем ребятишек накормить,
Как до конца войны дожить.
Потом они запели. Как!
И у меня в груди заняло.
И мама редко пела так,
Мотив красиво выводила.
Я удивлялась, что они
До слова знали песню эту.
Как наш солдат пришёл с войны,
А дома и жены уж нету.
И были скорбными слова,
И песня грустная звучала,
Как будто каждая вдова
Свою печаль в ней изливала.
И этих женщин уже нет,
Но, как от звёзд, всё будет длиться
Той песни негасимый свет
И вдов торжественные лица.

Горька неблагодарность, особенно родного человека. Читатель соприкасается с чужой бедой и радостью. Дочь, оттолкнув углом чемодана мать, уехала в дальний край. Два года мать терзалась неизвестностью, и вдруг – весточка, письмо от дочери. И ведь слова нашла: «мама», «дом». Поумнела девака, зная-то, жизнь долбанула как следует. Для лирической героини пожилая женщина – чужая тётя, давняя квартирная хозяйка, однако открытое людям сердце болит:

ХОЗЯЙКА

Я здесь в гостях, а как дома,
Я здесь больше года жила.
В квартире густеет дрема
Протопленного жилья.

Хозяйка моя постарела,
Прибавилось седины.

Рассказывает, что болела
И нет поправы с весны.

Потом достаёт листочки
Зачитанного письма,
Оно от уехавшей дочки.
Настала третья зима,

Как дочь, уголком чемодана
Её оттолкнув, ушла.
Ушла, но в ушах неустанно
Остались звучать слова.

Не заглушала работа,
Не заглушала ночь.
Ты – тётя, ты – только тётя,
А я – не родная дочь.

А нынче из Барнаула
Пришло дорогое письмо.
Пишет, в начале июля
Жди меня, мама, домой...

В пейзажной лирике Л. Андреевой явственно влияние А.С. Пушкина. Человек и всё живое едины, заполняя середину и края картины. Только человеку открывается чудо живого на земле. Что заманчиво в воробье? Прыгает серенький, чирикает. Ну, явно, не соловей. Однако пахарь его принял, и мы смотрим на эту птаху с вершины крестьянской эстетики:

Неизнеженный лаской воробышек,
Толстокорого тополя друг.
Что волнуешься, милый поскрёбышек,
Что ты смотришь с надеждой вокруг?
Крошку бросили, зёрнышко вымели,
Каплей вспоен и семечком сыт.
Химикаты тебя не осилили,
Птичий рынок тебе не грозит.
Твои предки терпели лишения,
Но летели за пахарем вслед.
Обживали дворы, поселения.
И птенцов выводили на свет.
Земляков своих в лютые зимы
Согревал и подкармливал мир.
И народом российским хранимы
Воробьи обживали Сибирь.
С каждым годом всё меньше пернатых,
Гуще дым и опасней смог.
Что глядишь, воробей, виновато,
Словно ты им, родным, не помог?

Этнографически точны зарисовки родных мест. Они нам интересны как свидетельства незримых связей поэта с крестьянским трудовым Зауральем, которое кормило страну. Да и сейчас кормит. Деревня – это «не колхоз, навоз». Отнюдь, отнюдь. Здесь человеку дан простор. Определяют душу природа, свой дом, крестьянский уклад бытия. «С детства милые места» полнят любовью, открывают сокровенное в природе и людях.

НА РОДИНЕ

Степь седая с перелесками,
Толи, мшистая земля,
Пелельными занавесками
Солончак прикрыл поля.

Здесь для туч – район миграций,
Для ветров – большой простор.
Те же заросли акаций
Разметались у озёр.

Деревенское, польиное,
Сплошь крестьянское житьё.
Меж озёр село старинное,
Ах, Заложное моё.

Что же ты со мной неласково,
И дома твои стары,
И разрушены, растасканы
Все колхозные дворы?

Крыша, шифером покрытая,
И телега у ворот.
До сих пор не позабытое,
Где-то детство меня ждёт.

Ждут меня седые тополи,
Воробьи летят сюда,
Ветры к берегу притопали,
Взволновалась вода.

Озеро моё рыбацкое,
Камышовая нурья,
Тополя ладошка братская –
Вот и снова с вами я.

Изменилась жизнь, не скрою.
И деревня уж не та.
Только всё мне здесь родное,
С детства милые места.

Изменяется жизнь, уходит старый быт. Хорошо, что он схвачен острым взглядом поэта. К тому же и старинная лексика сохранена. Скоро не будут знать на Руси, что такое ухват, мочерга. Но пока они есть и не забудутся благодаря и стихам Л. Андреевой. Читатель приглашён в Шевелёвку, ещё недавно хранившую старинный уклад.

ТОПЯТ ПЕЧИ

Из Шевелёвки тянет дымом.
Уже забытым и родимым.
То поселковые под вечер
В своих строеных топят печи.
Я представляю, как теплеет
Холодный воздух в старом доме.
Дрова сухие пламенеют
И сокрушаются в истоме...

...Провинциальная тоска –
Твердишь, ограда высока.
Я только тихо улыбнусь
И людям этим поклонюсь.

Неизбывна боль утраты корней, дорогого. Знакомы вопросы: как допустили люди такой разлом, под каким дурманом оказались, где были разум и глаза? Дали срубить свою жизнь ни за понюх табаку. Как бы дети малые или совсем пустоголовые. Одурачили, слов нет, провели вокруг пальца.

Тяжело возвращаться на родину:
Дома нет, огород опустел.
Кто-то выкопал нашу смородину,
И вокруг такой беспредел.
Затянуло усадьбы бурьянами,
Там, где площадь была, – травостой.
Затерзают их вьюги с буранами...
А на родину очень хочется,
Собираюсь который год.
Только ждёт меня там одиночество,
А вернее, никто не ждёт.

Потрясают стихи о драматической женской судьбе:

У меня был в детстве дружок,
У него – отцова гармошка,
Он её ото всех берёт,
Только мне давал на немножко <...>

Мальчик мой и мой жених,
Мы росли с тобою рядом,
Ветром, градом, листопадом
Мы делились на двоих <...>

Нас никто не поборол,
Так должно было случиться,
Я уехала учиться,
А ты в армию ушёл.

Не растёт зимою гриб,
Не цветут в сугробах маки,
В армии, в солдатской драке,
Друга спас, а сам погиб...

Всё-таки удивительна сила сибирячек. Это и о себе Любовь Харитоновна:

Никогда не плачу,
Не схожу с ума.

Однако:

Где же слёзы горячее,
Чтобы сразу тишь,
Словно с детской горочки
К бабушке бежишь?

В другом месте:

Мне не заплакать, боль такая,
Когда обида жжёт.
Вот потому таких, как я,
Никто не бережёт.

Это знакомо, всё так. А чего беречь-то, если не плачем. Не плачем, значит, всё «хонккой!». Крепка на слёзы, но завидует плачущим рассветам, реке.

Естественно, и в этой книге можно найти крючочки. Иногда «уже», «же» или «ж» журжат. Можно и отточить. Не понятно, зачем пословица «Как с гуся вода» оказалась применительной к течению лет. Ещё вопрос: почему два чёрных больших спаниеля несутся, «словно тёмная буря и белая вьюга»? Красиво, но всё-таки цвет-то один.

Отдельно можно рассказать об афоризмах, сравнениях, эпитетах, рифме и ритме. Точность, ясность слова, конструкции предложений:

«Позвонить тебе – телефона нет,
Написать тебе – долго ждать ответ».

«Ты не чужой и не родной», «Наше лето отцвело», «Ух, озера-сковорода, Уходят годы, как в песок вода».

Естественно входят в ткань стихов пословицы, частушки:

Ребятё, ребятё, где вы денег берётё?
Хомуты воруетё.
А на то пируетё...

Ой, ребята, не могу.
Ой, дела неважные,
Спинушку свело в дугу,
Пальцы как бумажные...

Мне хотелось представить книгу «Птицы летящие», выпущенную к двум юбилеям. Родилась Любовь Харитоновна в 1942 году, а в 1972-м её приняли в Союз писателей. Повторюсь, мой разговор только об этой книге с философским и многозначным названием. Это о птицах? – Так. Это о человеке, который всегда в полёте? – Так. Это о годах, времени? – Так.

Я желаю, чтобы ощущение «немыслимо жизнь хороша» осталось надолго, хватило бы сил бороться «с набежавшей волной». Я искренне уважаю Вас. Вы не лукавите, когда говорите:

Свой мир я с таким создавала трудом,
И вот он, из воли и света мой дом!